

Александр Миронов

Pieta

И здесь витал дух неразрушимой пагубы, и даже проходя мимо, вы касались его, ибо буквы его закона становились клетками вашего мозга— мозговая комбинация менялась, ширилась и надвигалась уже извне сотнями копий, тысячью неразличимых ликов, серийным производством единственного по своей природе Чуда: Да, Он, Сущий, Он дарует мне спасение, но что мне в конце концов до него?

И тогда они наступали, кичась своим непрекаемым идиотизмом, и лица их излучали печаль: ах, как жаль, что все это не так, но мы так должны Вам сообщить: "Смоковница в тех местах не росла!"

Но я стоял как проклятый: там пусто,— говорил я,— там нет ни дня, ни ночи, ни мира, ни забвения, а скрежет зубовный— разве это не тогда, когда тебя выворачивает наизнанку твой больной зуб, и нет причины ему болеть, и нет вообще причин ЖИТЬ и УМЕРЕТЬ— а зуб ноет и ноет; он Сущий, он, как насмешка над тобой несуществующим —— так мы стояли рядом, не касаясь друг друга. Но они не отступали— вылетев в окно, они ломились напролом в запертую дверь. —— Так как же: всеобщее спасение или скрежет зубовный?— настаивали они. —— Мне нечего было им сказать. —— Это вы узнаете после, после. —— Верьте! —— Так я молчал и в отчаянии смотрел по сторонам, словно ждал, что кто-нибудь скажет им Это. —— Или ТО ИЛИ ДРУГОЕ,— твердили они и добавляли, что КСТАТИ СМОКОВНИЦА ТАМ НЕ РОСЛА. —— И я появлялся вдруг то справа, то слева, единый в двух лицах, немой и безумный и я справа кричал ТО и слева кричал ДРУГОЕ.

То или ДРУГОЕ, или как вам будет угодно, или как будет угодно Богу. —— Господи, буди милостив мне грешнику —— И это был камень, брошенный из праши, — они возвратились в Небытие, стеная и скрежеща зубами, ибо камень не укусишь. —— Господи КСТАТИ СМОКОВНИЦА ТАМ РОСЛА буди милостив мне грешному.

И, отряхнув пыль, мы стояли перед вратами храма, все еще не решаясь войти, да и войти во врата было нельзя, можно было лишь созерцать библейские барельефы, распиленные и расколотые инфернальными бандитами, и следить сиятельное Всевидящее Око в полноте Славы Своей. —— Но все-таки это был настоящий храм, где приобщались раньше и по сию пору приобщаются /НО СТРАННЫМ ОБРАЗОМ/ Святых тайн, кто во спасение души и тела, а кто в осуждение самости своей, — да это был храм, хоть вход в него был и не через врата; и мы входили туда не как сожитель, а как свидетель, любитель, интересующийся, ТАТЬ- в храмину Духа- сбоку, тайно, через нелепую новейшую пристройку, минуя вывеску "Музей", гигантские информационные стенды, макеты человекодавлен, — но это были Вы, отрясшие прах с ног своих и были Вы в храмине Духа.

— Кстати, вы заметили, — спросил Он меня, — что сам храм крестообразен- так он был задуман, как крест времени- это большое счастье, это дар нам. Крест общечеловеческого неверия здесь, у нас, именно в России- это нам Богоданный символ. —— Нет, мы еще не вошли, мы следили Всевидящее Око в полноте Славы Своей. —— Да, ХРАМ уподоблен Сыну Человеческому. Он распят, таково его назначение- это КРЕСТ ВРЕМЕНИ- но КАКОГО ВРЕМЕНИ? Тут-то и об-

наруживается самое поднаторевшее, самое банальное - КАКОГО ВРЕМЕНИ, если ВРЕМЕНИ больше НЕТ- есть бессмысличное безликое многообразное трамвайно-троллейбусное колбасное смертоносное сущее и всего не охватить, не объять необъятного: или то или другое

или рука или нога

кость или мясо

злато или булат---

-----Господи, КАКОГО ВРЕМЕНИ?-----

СЕГО ВРЕМЕНИ.---- Мы, как анатомы, на картине Рембранта: каждый смотрит на труп и ищет кусок посладце. Для исследования---- Рука или нога---- СЕГО ВРЕМЕНИ.

Вот оно поконится мертвое, членообразное, необъятое для глаз, не сливаемое /или сливаемое по вере нашей/?/, Единое, все-таки Единое время: так нежный Бах и пунктуальный Веберн сливаются в ушах наших в жутковатый и варварски прекрасный ричеркар, так храбрые российские ребята кричат императору "Ура", и он плачет у них на глазах поистине царскими слезами над их горем- да, да над их пролитой кровью, над этой нескончаемой Освободительной войной. Он- альфа и омега этой бойни- каждый день посещает госпиталя и бравые ребятишки вновь символически маршируют и вопят "Ура!", а потом он входит в храм и падает на колени перед иконой Богородицы и плачет, и плачет, снова плачет.

А когда война уже окончена, исстрадавшийся император говорит Великому Князю, как бы в шутку, и все же с некоторым смущением: "Как ты считаешь, братец, могу я прицепить на эфес еще одного Георгия, как думаешь, за-

служил, а?"

И воин вдруг начинает беззвучно рыдать, прижимая императора к груди, а потом ведет его в зал, где в нетерпеливом ожидании праздничного бала весь сок, весь свет петербургский- и вновь звучат несляянные голоса приветствия и поклонения- здесь легкий поворот нежных женских плеч- знак преданности, там в абсолютной недосыгаемости от "здесь" гарцует и марширует свое "ура", бесчисленное множество без роду, без племени, без имени, с одной лишь верой в Императора и в Бога, который Помазал Его .

Что это, борьба классов или единство противоположностей?

Сказочный фильм, где дворовая девка распахивает двери усадьбы приехавшему из-за границы барину, целует поминутно его руки и тут же смахивает пыль с карнизов, и на лице ее выражение Высшей радости, доступной лишь ей?-----

Это ТО ВРЕМЯ. Просто это ТО ВРЕМЯ-----

А это СЕ ВРЕМЯ-----

- Несляянные, но слитые воедино в Духе и по вере нашей.

И храм все-еще стоит не только как позор наш, но и как ХРАМ СЛАВЫ БОЖЬЕЙ.

И когда я прикасаюсь к его колоннам, — сказал Он мне, — я ощущаю невиданную благодать. Благодать эта какая-то особая, это благодать нетронутости, заброшенности, уединения, — Он искал слова и не находил, — как будто Спящая царевна вдруг проснулась или вот, это как голос; "Копай здесь!"

И Он уже рассказывал мне о физиологии этой благодати, как токи пронизают его пальцы, доходят до сознания, раскальвают его, вновь сливают воедино, а потом, как будто теплыми струями СЕРЕБРЯННОГО ДОЖДЯ — Духа Святого — скатывают его с головы до пят, и вот Он уже стоит пред Вратами Вечности, как незаплеванное стеклышко, как очищенный плод, и, вроде бы, в свадебных одеждах. С ним Христос, а коснулся Он Невесты Христовой и потому Омыт, как будто причастился.

Токи меня смущали. Я, в сущности, их никогда не ощущал. Токи — это стигмы, экстаз, дар с неба неизвестно за какие добродетели, что-то явно не наше, католическое.

Но я посмотрел на него, когда он так ловко лепил слова, как просфоры к празднику и вспомнил: ба, да он же Бывший Радиоинженер, Хозяин всей этой проклятой Механики и Электроники, а я в жизни ни одного Атома не узрел, ни одного микроба не обнаружил, и сознание раскололось надвое: а он мне про стигмы! И тут, как будто теплой водой омыло — все стало на свои места. Мне никогда не придется этого почувствовать, но Он, Радиоинженер, он чувствует их, эти токи, как пить дать чувствует.

Ну что ж, всякому свое...

Лишь бы Причастие было едино.

— А впрочем,— вдруг сказал Он,— ты сейчас сам убедишься. Только помни, что это надо делать с большой верой. Пойдем, ее я тебе покажу /Мы вошли, мы, наконец, переступили Порог/. Это обыкновенная католическая *Pieta*, скульптурка,— продолжал Он,— впрочем, совсем необыкновенная, я здесь до всего касался, но ее токи пронизают меня явственнее всех прочих, и, что самое главное, я нигде не видел такого спокойствия, Покоя на лицах, такого ОЖИДАНИЯ. Нам, ведь, теперь самое время ждать САМОЕ ВРЕМЯ ЖДАТЬ, так что ты коснись ее и жди.

Мы вошли, мы, наконец, достигли этого зала, где было начертано известное СМАКОВНИЦА ТАМ НЕ РОСЛА,— и я увидел *Piety*. Передо мной была бесцветная и довольно неискусно размалеванная композиция, и неудивительно, что раньше я ее как-то не замечал. Покоя здесь было хоть отбавляй, но Исключительности, Единственности события я не ощущал.

Что ж не в этом, конечно, дело.

Так после службы в Спасо-Преображенском Соборе хладным взором я смотрел на все эти розовые щечки, пухленькие ручки, грузные тела, как бомбы, повисшие в воздухе, и поражался смехотворной бездуховности этих творений,— но во время службы я с благоговением прикасался к ним губами и чувствовал любовь, исходящую от них, ибо, целуя их, я почитал истинные СЛАВНЫЕ ОБРАЗЫ^{*} их, Единый Лик Творца во Святых своих, и тем самым сопричислялся к стаду подобных мне и подобно мне облюбовавших эти все-таки не-

достойные истины изображения. Но других там не было, да и не моя это забота. Господь прикасался к ним вместе с нами, и они стали святыней.

А он поцеловал *Petyl* и коснулся пальцами подножия, и все, кто был вокруг, как притянутые невидимыми силами невольники, вдруг остановились и посмотрели на него- но, может быть, мне это только показалось- а потом кто-то что-то кому-то зашептал, и показалось мне, что ПРО СМОКОВНИЦУ- и страшно вдруг захотелось сгинуть, уничтожить всех свидетелей, чтобы выйти потом вон, как ни в чем не бывало, не из храма, а из музея, быстрым шагом отсчитать половицы, как будто ты уже все здесь сосчитал и, повинуясь ЗАКОНУ АРИФМЕТИКИ, уходишь для того, чтобы совершить уже более сложные действия- вычесть, разделить, умножить- а потом ты вернешься сюда вновь и сверишь свой результат с ответом в конце задачника- а именно: СМОКОВНИЦА ТАМ НЕ РОСЛА,- и тогда я нагнулся, и подобно ему поцеловал подножие *Petyl* и, сложив три пальца, коснулся подножия.

Токи пронзили меня, но то была не благодать- безграничный ужас сотнями копий пронзил меня со спины, и я понял, что это Нападение, и оглядываться было нельзя- сам Вий пришел поглязеть на меня, а сородичи и челядь его ухали, как санитарная машина на первой скорости.

Господи, Господи, помилуй меня- иначе он вот-вот скажет ВИЛУ и тогда двое в белом из приближенных его схватят меня под локотки и втолкнут в кузов, и повезут меня странным маршрутом мимо всех церквей, мимо всего Святого прямо к нему Домой, а там с меня сбреют излишки,

омоют болотною жижей и представлят пред очи его.

Он ткнет мне пальцем в грудь и скажет:

- Сними ЭТО!

А я спрошу его: - Зачем?

- Мало ли,- ответит он мне,- у нас бывали случаи-люди давились на таких вот веревочках.

- Пока ОН на мне, я не удавлюсь,- скажу я.

- Сними,- терпеливо повторит он, и как бы с сожале-нием,- нам ведь все равно придется снять.

- Что ж, делайте как вам угодно,- скажу я.

И тут в его глазах проснется интерес, как будто напал на золотую жилу.

- Пишите,- шепнет он одной из мелких ведьм, сидящих за столом и скажет им нечто такое, отчего глаза их заблестят, зашевелятся уши, и они хором будут глазеть на меня, пока он терпеливым мелким шагом будет идти ко мне, протягивая руки к моей шее, и эти руки предательски вы-дадут его мельчайшей своей дрожью, когда он снимет с ме-ня крест, и, приподняв нижнюю губу, оценит его, как скончавшийся краденное, и скажет:

- Мы его занесем в опись и засунем в ботинок- когда будете выходить отсюда- вам его выдадут.

И, уже готовясь совсем отпустить меня с глаз долой, спросит:

- Кстати, почему Вы его так цените? Ведь это же для Вас пустая формальность. Потеряется этот- купите новый.

- Этот, этот,- безмолвно кричу я, глядя в его бес-

стыдные глаза, ибо ОН, ЭТОТ спас меня от его нападения здесь, когда я стоял, касаясь пальцами подножия *Pietà*, и сотни копий-взглядов были готовы обрушиться в меня, и не было ни от кого мне пощады, кроме Господа и Благословенной Матери, тихо глядевшей на меня, и ожидавшей во мне Его Воскресения.

Вот тогда-то я и почувствовал эти токи.

----- Теперь, поставив ему двадцатикопеечную свечку, стань возле иконы Богородицы и дождись пока она не сгорит до конца. Заступница наша умножит твою безобразно-холодную молитву, и свеча твоя будет гореть дольше, чем положено ей, доколе хватит терпения, доколе ноги не отсохнут и тело не окостенеет - смотри- вот горит твоя двадцатикопеечная молитва - на многое ли тебя хватило? ----- Тебе, разумеется, много и не нужно одно лишь воспоминание, связать концы с концами, обрывки времен, слить несливаемое, доказать, что гармония мира не нарушится, если выдумать трамвай, историю и т.д. . . ----- Одно, одно лишь воспоминание о нем - и обрывки соединены, ибо Он сам, его существование само по себе чудомного ли нужно за двадцатикопеечную молитву - одно воспоминание о ТЕБЕ ГОСПОДИ в мертвцах твоих. Ибо, увы, Он мертв, да, Слава Богу, Он уже в ином мире. Надо будет

УЗНАТЬ его там, подойти к нему на расстояние запаха,
 впрочем, какие же там запахи- ладан, миря елей?---- Ты
 стоишь, омываешь попеременно то волною ладана, то запахом
 трупного разложения, ты стоишь в сердцевине пропасти на
 мосту /вобщем- то, ты стоишь в церкви, свеча твоя уже
 догорает, а близ тебя расположился полуразложившийся
 покойник, и опытный домовитый дьякон машет кадилом, вос-
 певая: со святыми упокой/ .---- Переайдешь ли ты этот
 мост? Вот узел времени, вот твоя связка- отныне и дове-
 яй.---- Свеча догорела, и служба кончилась. Теперь, помо-
 лившись, надо выйти вон из мира бытия Вечного в мир бы-
 тия Вещного.----Не останавливайся- глаза долу!- не гла-
 зей по сторонам.----Вот оно электричество!---- Оно гото-
 во освещать путь твой своим синюшным мертвенным светом,
 куда бы ты не шел.----Вот оно, многообразное безобразие.
 Оно готово заселить тебя нескончаемым., но КОНЕЧНЫМ мно-
 жеством всех культур, времен и народностей. Любой анти-
 квариат к твоим услугам.---- Изящное бра, возносимое
 пышнотелым ангелом к потолку, граф Лев Николаевич Тол-
 стой, звучный канделябр и, наконец, зачем тебе что-либо
 выбирать?---- Прими все так, как есть, весь кладесь пре-
 мудрости, всю эту неистощимую на выдумки голь- или, нет,
 надо все ж-таки что-то выбрать, надо быть антагонистом-
 диалектиком, души-телом, кромсателем.---- Да здравству-
 ет электричество

или газовые фонари

или вообще тьма ---- Что-нибудь одно;

или то, или другое, иначе не будет личности, или продви-
 жения по службе, или, наконец, любимой женщины под боком-

неистощимого аккумулятора вдохновения — Вот он каков, этот мост: кидает из стороны в сторону, куда не заглянешь, а внизу из черной глубины мнимые утопленники-стажеры врят: погибаем! Спасите! — И ведь клюешь, бросаешься им на помощь и, если сух из воды не выходишь, сам становишься этаким стажером. — Ну вот, ты теперь дома, посредством транспортного сообщения — в самом начале моста, тебя немного покачало и отбросило назад, судя, в эту комнату, в груду книжного хлама, к ю торому Он даже ни разу не прикоснулся, не стряхнул пыль. — Он. Миновавший мост. Он. Забвение. Многия лета. Он. Он. Он.

Воспоминание *Pictor* или о том, как мы были наказаны его смертию.

1969.